

Литературоведение

УДК 821.161.1"18":821.161.1"17".09 (045)

ORCID ID: 0000-0002-0485-7664

Т.В. Зверева

А.П. СУМАРОКОВ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.С. ПУШКИНА

В художественном сознании А.С. Пушкина имя А.П. Сумарокова связано с важнейшими литературными и историческими проблемами, которые не смогла решить русская культура XVIII в. Автор статьи показывает, как с течением времени менялось отношение Пушкина к Сумарокову. Ранние стихотворения 1816 г. («Амур и Гименей», «К Жуковскому») характеризуются крайней полемичностью по отношению к литературным предшественникам, что обусловлено арзамасской топикой. Начиная с конца 1820-х гг., Пушкин пересматривает свое отношение к классицизму в целом и к Сумарокову в частности, осмысляет предшествующий этап развития русской словесности как необходимый. Имя Сумарокова все чаще появляется на страницах пушкинских статей и заметок. В незаконченной статье «О народной драме и драме “Марфа Посадница”» трагедии Сумарокова становятся предметом открытой развернутой полемики. С опальным поэтом-классицистом также связана проблема литературной репутации, находящаяся в центре внимания Пушкина в 1830-ые гг. В «Путешествии из Москвы в Петербург» и в «Table-talk» записаны многочисленные анекдоты из жизни Сумарокова. Цель подобных историй – не низвержение поэта, а постижение жизненных и творческих стратегий, способных обеспечить литературную репутацию (как прижизненную, так и посмертную). В завершающем романе «Капитанская дочка» обращение к имени Сумарокова особенно значимо. Во-первых, знакомство Гринева с Сумароковым проливает дополнительный свет на восприятие главного героя. Во-вторых, в романе обнаруживается скрытая полемика Пушкина с Сумароковым, связанная с историческим и художественным пониманием Пугачева.

Ключевые слова: А. Пушкин, А. Сумароков, классицизм, рецепция, литературная полемика, автор.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-835-842

Проблема «Пушкин и русская литература XVIII в.» имеет давнюю историю изучения. По самой сути художественного дарования Пушкин – поэт, завершающий классицистский период русской словесности. «Мера», «граница», «правила» – категории, чрезвычайно важные как для классицистской эстетики, так и для пушкинского понимания искусства. Пристальный интерес поэта к литературе и истории XVIII в. отмечается на протяжении всего творчества. Среди многочисленных имен писателей-классицистов, упоминаемых поэтом, особое место занимает имя А.П. Сумарокова, однако данная тема до сих пор не получила целостного и системного осмысления. Вместе с тем, с именем опального поэта-классициста связаны все вехи творческого пути Пушкина – от ранних стихотворений 1816 г. до последнего романа «Капитанская дочка». Важно, что именно Сумароков является наиболее последовательным выразителем и теоретиком русского классицизма, уже сам факт программных для середины XVIII в. сочинений (эпистолы «Письмо о русском языке» и «О стихотворстве») ставит поэта в исключительное положение.

В 1816 г. Пушкин пишет сказку «Амур и Гименей», точнее, представляет собственную литературную обработку басни Лафонтена. Бытование античной басни в России было известно Пушкину: сюжет соперничества Богов привлек внимание А.А. Ржевского («Любовь слепая»), А.П. Сумарокова («Любовь и Дурачество»), П.П. Сумарокова («Амур, лишенный зрения») и Д.И. Хвостова («Любовь и Дурачество») [22]. Давая собственную лукавую интерпретацию античному сюжету, молодой поэт бросал вызов писателям-классицистам. В этом же ключе написано послание «К Жуковскому» (1816). Как и сказка «Амур и Гименей», послание примыкает к арзамасской топике – в тексте воссоздан дантовский сюжет путешествия по аду, где пребывают загубленные души поэтов-классицистов. Под стихотворением поставлена подпись «Арзамасец», что еще раз указывает на откровенно полемический характер текста:

Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом

И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспаривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво?.. [15, т.1, с. 368].

Лицейский опыт Пушкина можно рассматривать как дань арзамасскому ритуалу; игра в низвержение столпов доставляет автору явное наслаждение. Падение Сумарокова с поэтического пьедестала, как известно, произошло еще при жизни, но полемический запал молодого Пушкина не становится от этого меньше. В этой связи Н. Алексеева справедливо отмечает, что «в появившихся с новым веком критических отзывах о Сумарокове, немногочисленных и скупых, более всего удивляет их полемическая заостренность, как будто свержение Сумарокова требовало особенных усилий. Полемике же о Сумарокове по существу не было» [2, с. 97]. Действительно, лицейские стихотворение Пушкина несут в себе следы псевдополемике и, скорее, представляют собою голую риторику – образцовые поэтические упражнения на заданную тему.

Очередное обращение к Сумарокову произойдет нескоро – в «Борисе Годунове» (1825 г.). Необходимо отметить, что предшествующий Михайловской ссылке романтический период лишен той полемической заостренности по отношению к классицизму, которой характеризовалось творчество Пушкина лицейского и петербургского периодов. «Борис Годунов» – первая пушкинская попытка осмысления логики русской истории. Уже само обращение к драме неминуемо вело к осмыслению законов классицизма, в том числе, и законов сумароковской драматургии. Кроме того, написание исторической пьесы о «смутном времени» предполагало знакомство с трагедией Сумарокова «Дмитрий Самозванец» [8]. Интересно, что современники усматривали связь между пушкинской и сумароковской трагедиями; в частности, Вяземский писал, что «Николай Борисович Юсупов <...> остается верен Сумарокову и признает в нем великого трагика, хотя и соглашается, что язык его устарел. “Вот бы Пушкину (сказал он однажды) несколько поправить и подновить язык трагедий Сумарокова. И тогда можно бы снова представить их на театре”» [6, с. 42].

Кажется, еще не было обращено внимания на то, что и сумароковская, и пушкинская трагедии писались в сходных жизненных обстоятельствах – их авторы находились в опале и решали для себя важнейшие вопросы, в том числе, и вопрос о праве добровольного ухода из жизни. Как и Сумароков, Пушкин исследует феномены самозванства и тирании. События пушкинской трагедии хронологически предшествуют описанному Сумароковым: «Борис Годунов» оканчивается воцарением Дмитрия, в то время как Сумароков описывает конец правления. Пушкин оспаривает, прежде всего, принципы воплощения *исторического* в литературе. Для Сумарокова как писателя-классициста история оказывается лишь условным фоном, на котором разворачиваются события, призванные проявить человеческую натуру. В сфере авторского взгляда находится человек, а не история (этим обстоятельством и обусловлено игнорирование реальных исторических фактов в «Дмитрии Самозванце», подлинные события заслонены авторским вымыслом, необходимым для того, чтобы лучше раскрыть характер персонажей). Пушкин изменяет художественную оптику – история выступает на первый план, подчиняя себе героев: и Борис Годунов, и его идеологический противник Дмитрий одинаково зависимы от неуловимого потока истории. Важно идейное сходство финалов: в обеих пьесах главные герои терпят поражение – возмездие настигает как сумароковского Дмитрия, так и пушкинского Годунова. При этом речь идет не столько об историческом, сколько о духовном поражении.

В 1827 г. Пушкин размышляет о законах поэтического языка, упоминая имя Сумарокова: «Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны. Ломоносов не отвечал или отшучивался. Сумароков требовал уважения к стихотворству» [15, т. 6, с. 273]. Пушкин противопоставил Ломоносова и Сумарокова в их отношении к литературному труду. Практически для всех поэтов XVIII в., включая Ломоносова, стихотворство никогда не было основным делом. Через несколько лет Пушкин напишет: «Ломоносов сам не дорожил своею поэзией и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокаторжественный день тезоименитства и проч. С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмическом, не думает!..» [15, т. 6, с. 385 - 386]. Именно в Сумарокове Пушкин угадывает собрата по профессиональному труду. Сближение двух столь разных поэтов оказывается возможным, если учитывать, что Пушкин и Сумароков осуществляют сходные функции – для обоих поэтов важнейшей творческой и жизненной задачей

являлось построение культурного пространства в России. В отличие, например, от Ломоносова, для которого естественнонаучная картина мира была определяющей и роль словесности понималась прагматически, Сумароков догадывается, что именно поэзия призвана занять особое место в русской государственности. «Уважения к стихотворству» добивался на протяжении всей жизни и Пушкин.

Начиная с 1830-х гг. Сумароков становится постоянным «спутником» Пушкина. В. Вацуро приводит свидетельство К.С. Сербиновича о поэтическом вечере 16 января 1830 г., на котором присутствовал Пушкин. Разговор шел вокруг Сумарокова: «о его ссорах с Ломоносовым, о “сатире Державина на Сумарокова” (известный в биографии Сумарокова “анекдот о Дружерукове”) и было “сказано наизусть несколько басней Сумарокова”» [5, с. 306]. Сам факт оживленного разговора вокруг имени Сумарокова – яркое подтверждение того, что имя поэта-классициста входило в круг тем, обсуждаемых в литературных кругах.

Мартом 1830 г. датировано известное письмо Пушкина к князю П. Вяземскому: «Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив. Ив. Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, *надорванный*, вероятно, в присутствии и, вероятно, сохраненный Миллером, как документ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай из этого статью и тисни в “Литературной газете”» [15, т. 9, с. 315].

23 августа 1830 г. Пушкин посетил могилу Сумарокова в Донском монастыре, это произошло сразу после похорон Василия Львовича Пушкина. Буквально через неделю Пушкин отправится в Болдино, и первым написанным в родовом имении стихотворением станут зимние «Бесы». По гениальной догадке В. Вацуро, пушкинские «Бесы» навеяны сумароковским стихотворением «Фею и Борей»:

Борей мой дует,
Борей мой плюет...

Не следует искать в «Бесах» поэтической полемики с Сумароковым, но, вероятно, посещение могилы всеми забытого поэта воскресило строки из стихотворения поэта.

Осенью 1830 г. пишется разбор драмы М. Погодина «Марфа Посадница». В начале статьи Пушкин излагает свои взгляды на драматическое искусство, сложившиеся в период его работы над «Борисом Годуновым»: «...явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные противусмыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елисаветы... Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие» [т. 6, с. 363]. Негативные оценки связаны с предметом размышлений – русская драматургия в целом и Сумароков в частности отстояли от площадной драмы, в которой Пушкин видел живительные силы. Площадная народная культура противопоставлена официальной придворной. Отрыв от почвы неминуемо оборачивался, с одной стороны, жалким подражанием Западу, с другой – возникновением «варварского изнеженного» языка. Ошибка русского классицизма, идейным выразителем которого был Сумароков, – в уходе от истоков собственной культуры. Первозадача, стоящая перед Пушкиным, – преобразование «варварского» слога, выявление его внутренних потенций, что, в конечном итоге, обеспечивало органичное развитие русской словесности.

Имя Сумарокова открывает «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833 – 1835 гг.). Как и полагается путешественнику, герой Пушкина едет с книгой в руках: «Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. <...> “Постой, – сказал мне **, – есть у меня для тебя книжка”. С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, по-видимому изданную в конце прошлого столетия. “Прошу беречь ее, – сказал он таинственным голосом. – Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность”. Я раскрыл ее и прочел заглавие: “Путешествие из Петербурга в Москву”. С. П. Б. 1790 году» [15, т. 6, с. 380]. По-видимому, Пушкину было хорошо известно «Полное собрание всех сочинений» Сумарокова в 10 частях, напечатанное в типографии Н.И. Новикова. Потаенный роман Радищева спрятан в библиотеке приятеля за корешками сочинений Сумарокова и Хераскова – поэтов, творчество которых противопоставлено радищевскому как легитимное.

В набросках к «Путешествию...» Пушкин, казалось бы, в очередной раз высказывает иронию по отношению к Сумарокову: «...Сумароков был шутком у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками. Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве. Державин ис-

подтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством» [15, т. 6, с. 390]. Подхватывая размышления Радищева о русской словесности XVIII в. и во многом оспаривая их, Пушкин ставит на первое место Тредиаковского: «Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков, верно, не стоят Тредьяковского, – *habent sua fata libelli*» [15, т. 6, с. 391]. Завершающее латинское изречение весьма примечательно: «Книги имеют свою судьбу». Речь идет не только о посмертной репутации поэта и его творческого наследия, Пушкин в 1830-ые гг. вплотную подходит к проблеме прижизненной репутации. Тредиаковский становится «шутком» и предметом насмешек прежде Сумарокова, жизненные и литературные стратегии обоих поэтов оказались крайне неудачными и, в конечном счете, сформировали негативное отношение к писательскому труду (данная проблема замечательно разработана в трудах отечественных филологов [1; 3; 7; 9; 14]). Для Пушкина 1830-х гг. проблема репутации наиважнейшая [13;16]. После высказываний поэта по поводу польского восстания и изменения идеологической позиции его репутация оказывается под угрозой. В этот период Пушкин стоял перед труднейшей задачей – выработки новых стратегий, которые бы могли обеспечить ему достойное место среди современников и в памяти потомков.

В конце жизни Пушкин начинает записывать литературные анекдоты («Table-talk»), формируя уникальный в истории русской словесности жанр [11; 21; 23]. Показательно, что целых три анекдота связаны с именем Сумарокова («Тредьяковский пришел однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова...», «Барков заспорил однажды с Сумароковым о том, кто из них скорее напишет оду...», «Никто так не умел сердить Сумарокова, как Барков...»). Все три текста построены на принципе парности героев-соперников (Сумароков/Барков, Сумароков/Ломоносов, Сумароков/Тредиаковский). Жизненная сфера поэтов, некогда занимавших ведущее место на литературном Олимпе, становится объектом пристального внимания Пушкина. Сам факт бытования подобных анекдотов свидетельствовал о том, что имя Сумарокова живо и прочно вписано в контекст российской словесности.

«Капитанская дочка» – роман, в котором «сумароковский сюжет» проявлен наиболее отчетливо. Петр Гринев занимается литературой, пишет стихи в духе Сумарокова: «Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понес ее к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочел ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И, ах, Машу избегаю,
Мышлю вольность получить!
Но глаза, что мя пленили,
Всемигнута предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.
Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой» [15, т.5, с. 311].

Само строение стиха в большей степени определено влиянием поэзии Тредиаковского, нежели Сумарокова, на что весьма проницательно указывает Швабрин. Бросаются в глаза и другие противоречия. По условию пушкинского повествования, главный герой является «недорослем». Когда Гринев успевает проникнуться страстью к литературным занятиям – не совсем ясно, как, впрочем, остается загадкой, при каких обстоятельствах Гринев познакомился с Сумароковым. Обрывающая фабулу пушкинского романа казнь Пугачева приходится на 1775 г., Сумароков умирает в 1777 г., но эти последние два года проходят для него в полной нищете и забвении. Тем не менее, Пушкину необходимо указать на знакомство своего героя с Сумароковым – для понимания образа главного героя важно, что Гринев наделен поэтическим талантом. Дистанция между автором и героем в романе подвижная – автор то приближается к своему герою, то предельно отделяется от него. Как и сам Пушкин, Гринев начинает свой путь в литературу со стихов, а заканчивает прозой (семейными записками). Думается, что в Гриневе

Пушкин видел недостижимый идеал собственной судьбы: написание семейной хроники на обочине Большой истории – вдалеке от царя, оказавшего милость.

Отметим, что дуэль Гринева и Швабрина под определенным углом зрения может быть рассмотрена как литературная: «– Как ты это находишь? – спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следуемой. Но к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

– Почему так? – спросил я его, скрывая свою досаду.

– Потому, – отвечал он, – что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского, и очень напоминают мне его любовные куплеты» [15, т. 5, с. 312]. В «Поединке» неожиданно возникают отголоски литературной борьбы XVIII в.; за именами Гринева и Швабрина стоят имена их учителей – Сумарокова и Тредиаковского. В. Вацуру также обратил внимание на то, что Швабрин нарекает Гринева словами «самолюбивый стихотворец». «Так называлась комедия Н.П. Николева, направленная против Сумарокова. Пушкин вряд ли знал памфлет Николева, но он мог помнить формулу, тем более что «самолюбие стихотворца» было основой большинства анекдотов о Сумарокове, в том числе и тех, которые были заведомо известны Пушкину» [5, с. 320].

О системе пушкинских эпиграфов к роману на сегодняшний день написано много (обобщающее проблемное исследование принадлежит В. Листову [12]). Как следует из текста романа, эпиграф к XI главе «Мятежная слобода» взят Пушкиным из Сумарокова. Еще в прошлом веке были приведены веские доказательства, свидетельствующие о пушкинской мистификации [17, с. 221]. Эпиграф к данной главе был сочинен самим Пушкиным:

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» –
Спросил он ласково.

А. Сумароков [15, т.5, с. 365].

Прежде всего, обратим внимание на символику названия XI главы – «Мятежная слобода». Образ Пугачева в романе тесно связан с образом метели. Входящее в название данной главы слово «мятежный» происходит от старославянского «матэжь» ('смятение', 'беспорядок'). В некоторых славянских языках, например, словенском, «мятеж» стоит в одном ряду таких слов, как 'метель' и 'вьюга' [20, с. 31]. Пушкинские «метель» и «мятеж» – символы русской истории, непредсказуемой и изменчивой в своих проявлениях.

В «Мятежной слободе» Пугачев предстает в образе сытого хищника, играющего со своей жертвой [10]. Встретившийся в снежной степи «человек-волк» оборачивается «львом» (в скобках заметим, что для древних славян волк выступал и как дух полей, и как проводник в иной мир. В свою очередь образ льва в системе человеческой культуры обладает устойчивыми коннотациями – это символ власти и могущества). В «Капитанской дочке» «царь-лев» находится в зените славы и празднует свою победу в вертепе-пещере. Слово «вертеп» можно интерпретировать по-разному, в том числе, и буквально: «вертеп» – ящик для представлений. О кукольно-игровой природе пушкинского творчества писала в свое время И.П. Уварова [19]. Действительно, и Петруша/Петрушка Гринев, и играющий в царя Пугачев – всего лишь персонажи вечного действия, разыгрываемого русской историей. Наконец, сюжет, связанный со львом, являются частью агиографического сюжета: «...в контексте житийной литературы лев – представитель первозданной природы, где даже самые страшные звери покорялись человеку. Праведник, достигший святости в земной жизни, становится подобен Адаму, еще не преступившему заповедь. Подобные примеры смиренных львов, помогающих монахам, широко распространены» [4]. В этом смысловом ключе Гринев уподоблен праведнику, усмирившему грозного хищника.

Однако остается нерешенным вопрос, почему Пушкину в данном эпиграфе потребовалось имя Сумарокова? На наш взгляд, в «Капитанской дочке» оспорена художественная концепция образа Пугачева, которая была представлена в сумароковском творчестве («Ода на Пугачева», «Станс граду Сибирску на Пугачева»). Напомним, что в русской литературе XVIII в. практически отсутствуют произведения, обращенные к пугачевскому восстанию (в 1775 г. по величайшему указанию Екатерины II имя Пугачева было запрещено к упоминанию). Вышедшая в 1774 г. в полном собрании сочинений Сумарокова «Ода на Пугачева» подписана инициалами АС. Вопреки своей жанровой природе данный текст смыкается с жанром проклятия:

Ты подлый, дерзкий человек,
 Незапно коего природа
 Извергла на блаженный век
 Ко бедству многого народа.
 <...>
 Твоей подобья злобе нет.
 И не видал доныне свет
 Злодея, толь бесчеловечна [18, с. 308].

В «Стансе граду Синбирску на Пугачева» Сумароков также низвергает Пугачева, атрибутируя ему звериные качества (пес – дракон – выдра – гидра – крокодил – тигр – аспид). «Станс граду...» заканчивается утверждением бесчеловечности Пугачева, что будет оспорено в пушкинском романе.

Грабеж, насилье жен, пожары там и муки,
 Где гнусный ты себя, разбойник, ни яви!
 И обагрятся мучительские руки
 В невиннейшей крови [18, с. 179].

В противовес Сумарокову Пушкин переводит разговор в другую смысловую плоскость. Идеология отступает на второй план, поскольку ее суть – разделение общества на «своих» и «чужих» («людей» и «зверей»). «Капитанская дочка» – это не только спор с Сумароковым, но и спор со всем предшествующим столетием и с собственным веком. В русской истории нет правых и виноватых, ибо она подобна природной стихии – immoralной в своей основе. Вследствие этого и происходит смещение авторской оценки – пушкинский суд обращен к нравственным, а не политическим аспектам. Сумароков говорит от лица государственного поэта, Пушкин доверяет хронике частному человеку, для которого Пугачев становится «посаженым отцом». Торжеству государственной точки зрения Пушкин противопоставил «милость к падшим».

Итак, Пушкин обращался к имени Сумарокова на протяжении всего творчества. Первоначальное уничижительное отношение к опальному поэту-классицисту сменяется вдумчивым осмыслением наследия классицизма, а впоследствии – продуктивной полемикой. Творческая зрелость проявилась в осознании классицизма как необходимого этапа развития русской словесности, именно здесь исток «строя» и «меры» пушкинского творчества. Фигура Сумарокова важна для Пушкина и вследствие его интереса к писательской репутации. Преодолевая ошибки поэтов XVIII в., Пушкин выстраивает идеальную поэтическую биографию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века. Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин. Магнитогорск: МаГУ, 2006. 479 с.
2. Алексеева Н.Ю. Репутация Сумарокова-поэта в начале XIX в. // XVIII век. СПб.: Наука, 2011. Т. 26. С. 95–117.
3. Бухаркин П.Е. В.К. Тредиковский – литературный облик и литературная репутация // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 61–67.
4. Буцких Н.В. Символика льва в древнерусском искусстве. URL: <https://zelomi.ru/journallev>
5. Вацура В.Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Ленингр. отд-ние, 1986. Т. 12. С. 305–323.
6. Вяземский П.А. Старая записная книжка [1813 - 1877]. М.: Захаров, 2003. 959 с.
7. Гуськов Н.А. А.П. Сумароков в мифе о создании русской литературы // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 58–66.
8. Ершов Л.Т. Трагический характер в «Дмитрии Самозванце» Сумарокова и «Борисе Годунове» Пушкина // Вопросы литературы: Научные труды. Новосибирск, 1971. Вып. 26. С. 35–40.
9. Живов В.М. Первые русский литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературно обозрение. 1997. № 25. С. 24–83.
10. Карпов А.А. Сюжет о благодарном льве в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Русская литература. 2016. № 3. С. 166–175.
11. Левкович Я.Л. «Table talk» Пушкина // Русская литература. 1987. № 1. С. 70–77.
12. Листов В.С. К истолкованию эпитафий «Капитанской дочке» // Пушкин и мировая культура. СПб-Симферополь, 2003. С. 123–130.

13. Немировский И.В. Пушкин – либертен и пророк. Опыт реконструкции публичной биографии. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 349 с.
14. Приказчикова Е.Е. Судьба поэта в России: государственная мифология и реальность (на примере эпистолярия А.П. Сумарокова) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 1. С. 11–29.
15. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.
16. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 328 с.
17. Рукою Пушкина. Несобранные и опубликованные тексты. М.-Л. "Academia", 1935.
18. Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. 608 с.
19. Уварова-Даниэль И.П. Пушкин в свете балагана. Балаган в свете Пушкина // Экран и сцена. 2013. № 6. URL: <http://www.screenstage.ru/?p=1021> (дата обращения: 10.01.2023).
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1957. Т. 3. 832 с.
21. Фомичев С.А. Примечания: Table-talk // А.С. Пушкин Собрание сочинений в пяти томах. СПб.: ТОО «Библиополис», 1994. Т. 5. 706 с.
22. Чубукова Е.В. «Амур и Гименей» (творческая история сказки Пушкина) // Временник пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1983. С. 83–94.
23. Юхнова И.С. «Table talk» в контексте творчества Пушкина 1830-х гг. // Филология и культура. Philology and Culture. 2018. № 4. С. 277–281.

Поступила в редакцию 20.02.2023

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T.V. Zvereva

A.P. SUMAROKOV IN A.S. PUSHKIN'S CREATIVE CONSCIOUSNESS

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-835-842

The name of A.P. Sumarokov in A.S. Pushkin's creative consciousness is connected with the most important literary and historical problems which the XVIII century Russian culture was not able to solve. The author of the paper shows how Pushkin's attitude to Sumarokov changed over time. The 1816 early poems ("Amur and Hymen" and "To Zhukovsky") are characterized by fierce polemic due to the Arzamas topic. Since the late 1820s Pushkin revised his attitude to classicism in general, and to Sumarokov in particular, and interpreted the previous stage of the Russian literature development as a necessary one. Sumarokov's name appeared more and more often in Pushkin's articles and notes. Sumarokov's tragedies became the subject of the open detailed polemic in the unfinished article "On the Folk Drama and the "Marfa Posadnitsa" Drama". The disgraced classicist poet was also associated with the problem of a literary reputation, which was in the focus of Pushkin's attention in the 1830s. There are numerous amusing anecdotes from Sumarokov's life in "The Journey from Moscow to St. Petersburg" and in "The Table-talk". The aim of such stories is not to overthrow a poet, but to attempt to comprehend one's life and creative strategies that can ensure a literary reputation (both lifetime and posthumous). The appeal to Sumarokov's name is especially significant in Pushkin's last novel "The Captain's Daughter". Firstly, the acquaintance of Grinev with Sumarokov sheds additional light on the perception of the main character. Secondly, the novel reveals the polemic between Pushkin and Sumarokov, which is connected with the historical understanding of Pugachev's image.

Keywords: A. Pushkin, A. Sumarokov, classicism, reception, literary polemic, author.

REFERENCES

1. Abramzon T.E. Poeticheskie mifologii XVIII veka. Lomonosov. Sumarokov. Heraskov. Derzhavin [Poetic mythologies of the XVIII century. Lomonosov. Sumarokov. Kheraskov. Derzhavin]. Magnitogorsk: MaGU, 2006. 479 s. (In Russian)
2. Alekseeva N.Yu. Reputaciya Sumarokova-poeta v nachale XIX v. [The reputation of Sumarokov-poet at the beginning of the XIX century] // XVIII vek [XVIII century]. SPb.: Nauka, 2011. Т. 26. S. 95–117. (In Russian)
3. Buharkin P.E. V.K. Tredikovskij – literaturnyj oblik i literaturnaya reputaciya [V.K. Tredikovskij – literary appearance and literary reputation] // Mir russkogo slova [The world of the Russian word]. 2013. № 4. S. 61–67. (In Russian)

4. Buczkix N.V. Simvolika l'va v drevnerusskom iskusstve [The symbolism of the lion in ancient Russian art]. URL: <https://zelomi.ru/journallev> (In Russian)
5. Vacuro V.E. Iz istoriko-literaturnogo kommentariya k stihotvorenijam Pushkina [From the historical and literary commentary on Pushkin's poems] // Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Research and Materials]. L.: Leningr. otd-nie, 1986. T. 12. S. 305–323. (In Russian)
6. Vyazemskij P.A. Staraya zapisnaya knizhka [An old notebook] [1813 - 1877]. M.: Zaharov, 2003. 959 s. (In Russian)
7. Gus'kov N.A. A.P. Sumarokov v mife o sozdanii russkoj literatury [A. P. Sumarokov in the myth of the creation of Russian literature] // Mir russkogo slova [The world of the Russian word]. 2013. № 3. S. 58–66. (In Russian)
8. Ershov L.T. Tragicheskij karakter v «Dmitrii Samozvance» Sumarokova i «Borise Godunove» Pushkina [Tragic character in "Dmitry the Impostor" by Sumarokov and "Boris Godunov" by Pushkin] // Voprosy literatury: Nauchnye trudy [Questions of literature: Scientific works]. Novosibirsk, 1971. Vyp. 26. S. 35–40. (In Russian)
9. ZHivov V.M. Pervye russkij literaturnye biografii kak social'noe yavlenie: Trediakovskij, Lomonosov, Sumarokov [The first Russian literary biographies as a social phenomenon: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov] // Novoe literaturno obozrenie [New Literary Review]. 1997. № 25. S. 24–83. (In Russian)
10. Karpov A.A. Syuzhet o blagodarnom l've v «Kapitanskoj dochke» A.S. Pushkina [The plot of the grateful lion in The Captain's Daughter by A.S. Pushkin] // Russkaya literatura [Russian Literature]. 2016. № 3. S. 166–175. (In Russian)
11. Levkovich Ya.L. «Table talk» Pushkina [Pushkin's "Table talk"] // Russkaya literatura [Russian Literature]. 1987. № 1. S. 70–77. (In Russian)
12. Listov V.S. K istolkovaniju epigrafov «Kapitanskoj dochki» [To the interpretation of the epigraphs of the "Captain's daughter"] // Pushkin i mirovaya kul'tura [Pushkin and World Culture]. SPb-Simferopol', 2003. S. 123–130. (In Russian)
13. Nemirovskij I.V. Pushkin – liberten i prorok. Opyt rekonstrukcii publichnoj biografii [Pushkin is a libertine and a prophet. Experience of reconstruction of public biography]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 349 s. (In Russian)
14. Prikazchikova E.E. Sud'ba poeta v Rossii: gosudarstvennaya mifologiya i real'nost' (na primere epistoljariya A.P. Sumarokova) [The fate of the poet in Russia: state mythology and reality (by the example of A.P. Sumarokov's epistolary)] // Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyj nauki [Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities]. 2018. T. 20. № 1. S. 11–29. (In Russian)
15. Pushkin A.S. Sobr. soch [Sobr. soc.]: v 10 t. M.: GIHL, 1959–1962. (In Russian)
16. Rejtblat A.I. Kak Pushkin vyshel v genii [How Pushkin came out as a genius]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 328 s. (In Russian)
17. Rukoyu Pushkina. Nesobrannye i opublikovannye teksty [By Pushkin's hand. Unassembled and published texts]. M.-L. "Academia", 1935. (In Russian)
18. Sumarokov A.P. Izbrannye proizvedeniy [Selected works]. L.: Sovetskij pisatel', 1957. 608 s. (In Russian)
19. Uvarova-Daniel' I.P. Pushkin v svete balagana. Balagan v svete Pushkina [Pushkin in Holy shit. Balagan in St. Pushkina] // Ekran i scena [Asbestkran and stage]. 2013. № 6. URL: <http://www.screenstage.ru/?p=1021> (data obrashcheniya: 10.01.2023). (In Russian)
20. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]: V 4 t. M.: Progress, 1957. T. 3. 832 s. (In Russian)
21. Fomichev S.A. Primechaniya: Table-talk [Notes: Table-talk] // A.S. Pushkin Sobranie sochinenij v pyati tomah [A. S. Pushkin Collected works in five volumes]. SPb.: TOO «Bibliopolis», 1994. T. 5. 706 s. (In Russian)
22. Chubukova E.V. «Amur i Gimenej» (tvorcheskaya istoriya skazki Pushkina) ["Cupid and Hymen" (the creative history of Pushkin's fairy tale)] // Vremennik pushkinskoj komissii [Temporary Pushkin Commission]. L.: Nauka, 1983. S. 83–94. (In Russian)
23. Yuhnova I.S. «Table talk» v kontekste tvorchestva Pushkina 1830-h gg. ["Table talk" in the context of Pushkin's work of the 1830s] // Filologiya i kul'tura. [Philology and Culture]. 2018. № 4. S. 277–281. (In Russian)

Received 20.02.2023

Zvereva T.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru